

Тянула пряжу ночь глухая,
Качала: баюшки-баю,
Мне снились сны, там жизнь другая
Пересекала жизнь мою.

То ль в недрах памяти согреты,
То ль тьмою явлены на свет,
Мелькали новые сюжеты
И звали с легкостью вослед.

И, увлеченный той блесною,
Я оттолкнулся б от крыльца,
Когда бы знал, что ты со мною
И в новой жизни до конца.

Моя цыганочка

По утрам мы — зяблики,
Ближе к ночи — вороны,
Покатились яблоки
На четыре стороны.
На дороги дряблые
Жизнь легко потратится,
Яблоко от яблони
На тот свет укатится.

Берега кисельные,
Реки окаянные,
Земли безземельные,
Печки деревянные.
Родина овражная,
Поле с переметами,

Закопали заживо,
Откопали мертвыми.

Жизнь казалась панночкой,
Обернулась ведьмою,
Выбивай «цыганочкой»
Дурь мою последнюю.
Не даруй мне жалости,
Не клади заплатачек,
Насуши мне к старости
Молодильных яблочек.

Кому-то жизнь — тяжелый грех,
Кому-то — окаянство,
Я шел во тьме, покуда снег
Не очертил пространство.

Я выживал, где жизни нет,
И пропадал, где жили,
Но выпрямлялся снежный свет
Работой сухожилий.

И как бы черная смола
По следу ни кипела,
Легонько жизнь моя плыла
По белому под белым.

Но что и раньше, что во тьме
Мне было непонятно,
Откуда жизнь взялась во мне
И как уйдет обратно.

Не выдержу — в темнице
Свечою распалюсь,
Не ветхой плащанице —
Создателю молюсь.

И память держит цепко
Заученный урок,
Что церковь только церковь,
А Бог и вправду Бог.

Как мертвый лес, корчую
Живое существо,
И страх животный чую,
И верую в родство.

К какому рубежу
Лета меня готовят —
В руках огонь держу,
А ощущаю холод.

И в памяти моей
Иных земель поверья,
Вода других морей,
Других лесов деревья.

То ль это миражи,
То ль просто совпадения,
То ль очень долго жил
До своего рожденья.

Сколько в кровь мою впало живых ручейков,
Сколько врезалось в память событий!
Потянуть бы успеть из забытых веков
За дорожки, за жилки, за нити.

Покатить пред собою клубок шерстяной,
Чтоб пред ним бы трава припадала,
И монгольскую гарь часовой шестерней
Запахать от Литвы до Урала.

И все дальше, туда, где Христос не воскрес,
И смотреть, как в летящем рапиде,
С византийских холмов на языческий лес,
И себя за деревьями видеть.

Город

В этом городе я незнакомцем
Проскользил по гранитному льду,
Так легко, что короткое солнце
Лишь качнуло меня на ходу

Да успело тревожным ожогом
Опалить напоследок виски,
Что рожден этот город не Богом,
А возвышен ему вопреки.

На добро отвечаем добром
И, жалея, прощаем недобрых,
Нас предзимье чернит серебром,
Чтоб зима отбелила в сугробах.

От тепла к холодам переход
Совершается в слове и деле,
И как будто у Царских ворот
Мы толпимся в предзимнем приделе.

Затянуть, задержать этот путь,
Замереть перед бездной порожней,
И в метель ледяную шагнуть,
Зачитавшись своей подорожной,

Чтоб у самой последней черты
Зацепиться за холмик родимый,
И суметь, как дрозды и клесты,
Прокормиться промерзшей рябиной.

Этот дождь, как монгольские стрелы,
Из веков и еще на века,
С каждой ночью бесчувственной тело,
С каждым днем бесконечной тоска.

Лишь поверивший в слово и дело,
Переживший крутеж и правож
Знает, как заворачивать стрелы,
Помнит, как заговаривать дождь.

И вдруг языческие Боги
Пронижут молнией века,
Сухой травой мне свяжут ноги
И полонят, как языка.

Разговорюсь, но тьма глухая
На полуслове оборвет,
И подо мной трава сухая
Семью цветами полыхнет.

До снега сорок ден,
Как сорок ден до смерти,
На рубеже времен
Безвременье на свете.

Так было все до нас,
При нас и будет после.
Внутри огонь погас
И выпал пеплом возле.

И нет тебя родней!
И надо умудриться
Успеть за сорок дней,
Как заново, родиться.

Ни холодом злым, ни огнем,
А света легчайшим движением,
На землю вернется мое
От древней звезды отраженье.

Но все это будет потом,
Пока я живу и не маюсь,
Сижу на крыльце золотом
И в золоте глаз отражаюсь.

Предзимье, и воздух приправлен дымком,
И сырость морозом прижата,
Поежилось время, как перед прыжком,
Предчувствуя лютые даты.

Я помню, что было в иные века,
Я знаю — жизнь замкнута кругом,
И ходит дождями худая тоска
За мною по осени цугом.

Но все же, пока не взлетела звезда,
Смотрю, сколько зренья хватает,
Как медленной жизни речная вода
Течет и шугой зарастает.

Мы рядом не ходим, мы вместе — гроза,
Удел наш — движенье по кругу,
Но, если встречаются наши глаза,
Нас тянет невольно друг к другу.

Не выдержу вдруг и на встречу с тобой
Я выйду в хрустящей сорочке,
И наши дороги по хорде тугой
Сойдутся в нечаянной точке.

И молния внутренний круг озарит,
И лед пограничный растает,
И тракт золотой, что над миром царит,
Наш прах в колею закатает.

Жизнь прошла, как будто понарошку,
Неподвластна сердцу и уму,
Вот моя последняя дорожка,
Переход из осени во тьму.

Перешел, во тьме остановился,
Ко всему готовый наотрез,
Вдруг увидел, свет засеребрился,
Это снег просыпался с небес.

Это значит, дальше есть дорога
Через осень, через темноту,
Понимание времени и Бога
Отдаляет страшную черту.

Даль близка, как смотришь через призму,
Вечный свет рождается во тьме,
Измеряю бесконечность жизнью,
И ползу из осени к зиме.

И пока я живой, посажу-ка я дуб
По весне, по прохладе, при ветре,
Улетит моя жизнь, как дыхание с губ,
А он памятник мне после смерти.

И не станет могила моя западней,
И душа не заметит урона,
Будут корни рассказывать мне под землей,
Что с макушки увидела крона.

Так вперед я на тысячу лет загляну,
Породнюсь с каждым прутиком-веткой,
Зеленея весною в зеленом дыму,
А зимой индевея под ветром.

И не горько мне знать, и не страшно смотреть,
Как в пределах тенистого круга
Бесконечная жизнь, бесконечная смерть
Каждый раз переходят друг в друга.

...тихая моя родина...

Н. Рубцов

Думали мы, что лучшие,
Чаяли — соль земли,
Что же ты нас в наручники
И под команду «пли».

Лбами об стенку — вот он, я!
Даром прими мой труд!
Ты ж провожаешь водкою
Нас раньше срока в грунт.

Реки текут кисельные,
Сахарны берега!
Что же ты нас посеяла,
Да не уберегла.

Но по гвоздю, по досточке
Строю и строю дом,
Имя мое и отчество
Вычитай под крестом.

Мне снился сон: в глубокой старине
Есть отчий дом и на двери подкова,
Меня там ждут живого-неживого,
И держат свет негаснущий в окне.

И я в тот дом по вязи родовой
Себя с кругов тягучих возвращаю,
И если жив, то сам себя прощаю,
И оживаю, если неживой.

Я на жизнь и на смерть никогда не играл,
Только жил рядом с жизнью и смертью,
И из бездны людской сам себя добывал,
Словно рыбу, тягучею сетью.

Выбирался на берег, дышал тяжело,
В одиночестве было мне тесно,
И светился мне берег, еще не жилой,
И темнела обжитая бездна.

